

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation

Bylye Gody

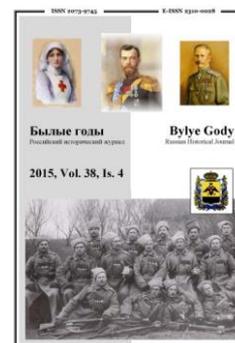
Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 849-864, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(470+481)(045)

The Role of the XVIII Century Maps and the Population of the Higher North of Russia and Norway in the Construction of the Borders of the Internal Sovereignty

¹Vladislav I. Goldin

²Konstantin S. Zaikov

³Aleksandr M. Tamitskiy

^{1, 2, 3} Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation
Lomonosov avenue 2, Arkhangelsk, Russian Federation, 163002

¹Dr. (History), Professor

E-mail: v.i.goldin@yandex.ru

²PhD (History)

E-mail: k.zaikov@narfu.ru

³PhD (Political Science), Associate Professor

E-mail: a.tamitskiy@gmail.com

Abstract

This article is based on materials of the Russian and Norwegian archival documents, maps and studies, including for the first time introduced into scientific circulation. The aim of this article is to analyze the role of XVIII century maps of Russia and Norway in the construction of the boundaries of the internal sovereignty on example of "«the common districts» and to determine role of the local actors in the spatial territorialization of the northern regions of both countries. The authors emphasize that the maps was perceived as a conceptual visualization of the state claims therefore the maps was used in the diplomatic and political articulation in the both countries. In Norway, it was the regional concept of border delimitation along the Peisen River, or as a minimum extension of Norwegian sovereignty over the areas of the Norwegian economical activity. In Russia, it was the local concept of the border along the western boundary of the Neiden districts and the attempt to integrate the socio-cultural space of the Skolts into the state space. It emphasizes the role of local Russian Kola authorities and Sami in maintaining the stability of the interstate border.

Keywords: the Russian-Norwegian relations; map; boundaries; "«the common districts», Sami

«Карта это не объект, словно микроскоп или сканер она представляется нам техническим устройством, которое расширяет и формирует сенсорное восприятие человека, выступая одновременно и визуальной проекцией и нашими глазами в мире пространственных образов»

Christian Jacob, "The Sovereign Map"

Введение

Научные знания о физическом пространстве, населении и ресурсах – это набор инструментов, который необходим любому государству во все времена. Знания, полученные в результате исследования территорий, помогают отчетливее определить сферу государственных интересов, очерчивать политические границы и реализовывать функции внутреннего суверенитета.

Отдельное место среди научного знания занимает картография, или наука, которая аккумулирует сведения о пространстве политических субъектов¹. Карта представляется нам

¹ Описываются характеристики картографии в контексте политической географии (Прим. авторов)

визуальной семиотической системой, формирующей пространственное восприятие объектов и форм территориальности. Однако она не только объект или инструмент, который несет некую проекцию, заложенную ее конструктором, но и медиатор, который воспроизводит образ пространства и передает его от субъекта к субъекту [1]. Карта – важнейший ресурс власти, потому как посредством визуализации информации об объектах она формирует политическое пространство места, региона и страны в целом [2]. Таким образом, карта наряду с исследованием и освоением территорий является одним из основных элементов пространственной социализации, т.е. совокупности социальных практик, которые производят и воспроизводят представления о пространственных границах района проживания сообществ [3].

Согласно целям, заложенным в карты, они могут выполнять множество функций, однако мы заинтересованы лишь в тех, которые влияют на формирование физико-политических границ. В этой связи речь в статье пойдет о функциях легитимации территориальных притязаний, производства и воспроизводства знаний о пространственных границах, а также об определении основных локальных субъектов конструирования пространственных образов отображенных на картах России и Норвегии XVIII в. [4].

Материалы и методы

Статья подготовлена на основе массива исторических документов, имеющих в Государственном архиве Архангельской области, Российском государственном историческом архиве, Архиве внешней политики Российской империи, том числе впервые вводимых в научный оборот. Также материалы исследования основываются на достижениях политической географии и междисциплинарном осмыслении проблематики с позиции исторической, географической и социальных областей научного знания. В работе проводится контекстуальный анализ символических систем карт Норвегии и России XVIII в. полевых журналов землемерных и топографических комиссий с их последующим сопоставлением с локальными документами о территориально-хозяйственных конфликтах исследуемых географических районов.

Приложение № 1. Карта трех саамских сиййт, составлявших «общие округа» Норвегии и России в XVII – нач. XIX вв.

1. Нявдемский сиййт (Нейден нор.), 2. Пазрецкий сиййт (Пасвиг нор.),
3. Печенгский сиййт (Пейсен нор.)

Обсуждение

Пространство, анализируемое в картах России и Норвегии XVIII в., это «общие округа», или территория современного Южного Варангера, которая с начала XVII в. была совместным владением государств. До этого периода указанные территории были масштабнее, но в результате расширения зон административного контроля, христианизации населения и его колонизации объем их сузился. Исторически они охватывали земли коренного населения (сийт) восточной группы саамов (скольтов) вдоль р. Нейден, Пасвиг и Пейсен, и по договору 1681 г. обе державы имели равные права на сбор налогов с этого населения [5, 6].

С XVIII века Россия и Норвегия начинают активное картографирование этих территорий. Объективными предпосылками этому были развитие научного знания и идеология эпохи Просвещения. Появление статистики, создание новых методик картографирования, развитие топографической техники значительно усовершенствовали картографию, что способствовало ее дальнейшему распространению. К тому же карты постепенно становятся одним из важнейших инструментов управления территориями и формирования политического пространства [7, 8].

В России интерес к картографированию «общих округов» не был связан с попытками обозначения территориальных пределов. Для постоянно расширяющейся империи границы были скорее препятствием развития, чем фактором, обеспечивающим внутренний суверенитет. Постоянные военные конфликты требовали мобилизации ресурсов и консолидацию власти в руках монарха. В связи с этим Петр I пересмотрел политику управления территориями, и образованные им новые макрорегионы нуждались в четких административных границах, научном знании об их народонаселении. Одним из таких регионов являлась Архангелогородская губерния, образованная в 1708 г. «Общие округа» были северо-западной окраиной данной губернии.

В Норвегии интерес к картографированию «общих округов» был связан с началом колонизации данного региона и желанием элит обозначить границы внутреннего суверенитета. Власти провинции Финнмарк стали проявлять интерес к заселению Южного Варангера еще с конца XVII в. На северном берегу Варангер-фьорда уже располагались норвежские поселения Варде, Вадсе и Киберг, но этот берег имел довольно бедную флору и фауну, поэтому норвежские поселенцы использовали ресурсы более богатого в промысловом отношении южного берега фьорда и даже пытались его заселить в первой половине XVIII в., но это было безуспешно. Комплекс сервитутов ограничивал полномочия Норвегии на территории округов, и этого было достаточно для того, чтобы колонизация района стала невозможной, по крайней мере, легально [9]. Дело в том, что коренные жители округов были под административной юрисдикцией России. Тесное соседство с амбициозной державой, которая на протяжении всего XVIII столетия вела успешную территориальную экспансию, было достаточным, чтобы центральные власти королевства желали установления четких границ с Российской империей [10].

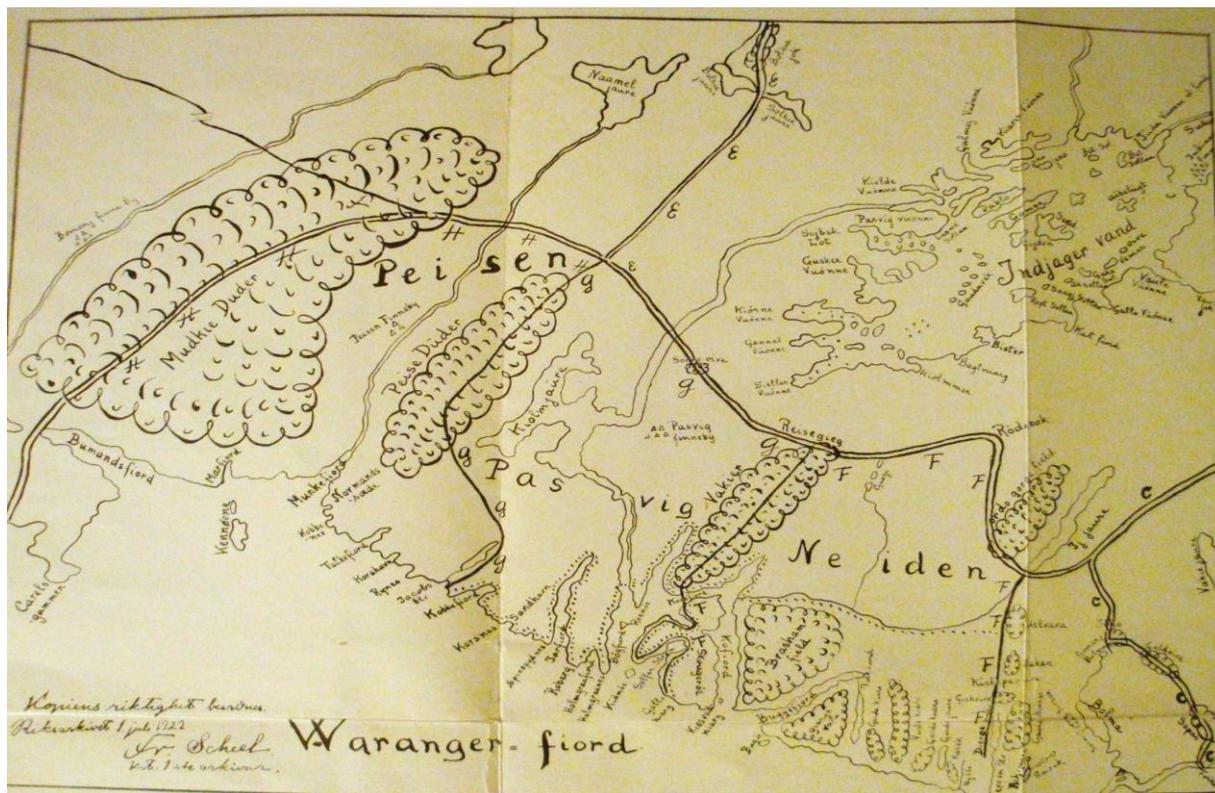
В российской историографии сложилась прочная традиция изучения истории разграничения «общих округов» в рамках классической политической и дипломатической истории. Ученые упоминали карты как один из исторических фактов при составлении нарратива, но они не анализировались как отдельный исторический источник. Центральное место в исследованиях занимало описание поведения отдельных политических акторов и их мотивов в процессе принятия решений по делимитации границы [11, 12, 13, 14, 15, 16].

В норвежской историографии сложилась традиция изучения карт «общих округов» как инструмент реконструкции границ социокультурного пространства скольтов. К сожалению, исследователи не анализировали роль карт «округов» в дипломатических переговорах России и Норвегии исследуемого периода, их влияние на формирование пространственных образов пограничья [17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25].

Мы видим, что в современном исторической науке присутствует явный недостаток научного знания о том, насколько картографирование «общих округов» повлияло на формирование образа границы России и Норвегии, какое место занимали карты в процессе принятия решений в ходе дипломатических переговоров XVIII в. Данные вопросы подводят исследователя к переоценке источниковой позиции карты с объектной в субъектную. Отметим, что историки обеих стран не рассматривали субъектную функцию карт в исторической ситуации, что мы считаем важным недостатком современной нордистики и северного исторического краеведения. Кроме того не мало важное значение занимает вопрос какое место занимали жители крайнего севера в процессе конструирования пространственных образов.

Первые систематические работы по статистическому описанию и очерчиванию «общих округов» были сделаны майором Питером Шнитлером в 1742–1745 гг. Офицер входил в состав норвежской экзаменационной пограничной комиссии, которая провела исследование спорных норвежско-шведских владений в 1742–1745 гг. Собранные материалы впоследствии стали базой для переговоров о разграничении общих норвежско-шведских владений в 1747–1751 гг. Одним из последних районов, который был исследован Шнитлером, и были совместные русско-норвежские владения [26].

Опираясь на отчеты норвежских фогтов¹ и документы архива Финмаркской губернии, майором было сделано первое статистическое описание «общих владений» и составлена карта округов приписанных к крепости Вардехюс [27].

Приложение № 2. Карта округов приписанных к крепости Вардехюс (1745 г.).

Целями составления округов и карт Шнитлера являлись формулирование норвежских интересов на общей территории, их легитимация и предложение линии разграничения совместных владений. Определяя черту возможной границы, он опирался на две группы доказательств: исторические и прагматические, которые соответствовали современным интересам норвежских жителей Северного Варангера.

К первой группе он отнес исторические документы, которые доказывали норвежские права на Кольский полуостров с XII в. Однако Шнитлер подчеркивал, что после укрепления русского присутствия на полуострове уже более ста лет (с 1613 г.) Норвегия не получала налогов с земель, находящихся восточнее «общих округов». Отказываясь от неосуществимых претензий, он предложил проект разграничения, который защищал интересы норвежского населения Северного Варангера [28].

Ко второй группе доказательств относились современные сведения о ресурсах округов, хозяйственных нуждах норвежского населения и характере хозяйственного освоения «округов». Майор определил наиболее важные районы стратегических ресурсов (лес, рыба, места пригодные для пастбы скота) и выгодные места дислокации торгового и военного флотов. Сопоставив географическое положение и ресурсоемкость округов с нуждами норвежских подданных, Шнитлер предложил отказаться от исторических притязаний на Кольский полуостров в пользу защиты интересов норвежских колонистов Отсфинмарка [29].

Майор предложил считать округа Нейден и Пасвиг частной норвежской территорией по трем критериям: принципу хозяйственной оккупации, экономической целесообразности и культурному родству. В протоколе он писал, что норвежские подданные активно осваивают оба округа более века, оба пространства имеют достаточное количество ресурсов для норвежских поселений, и коренное население культурно родственно норвежским варангерским саами, с которыми у них общие традиции, язык и культура.

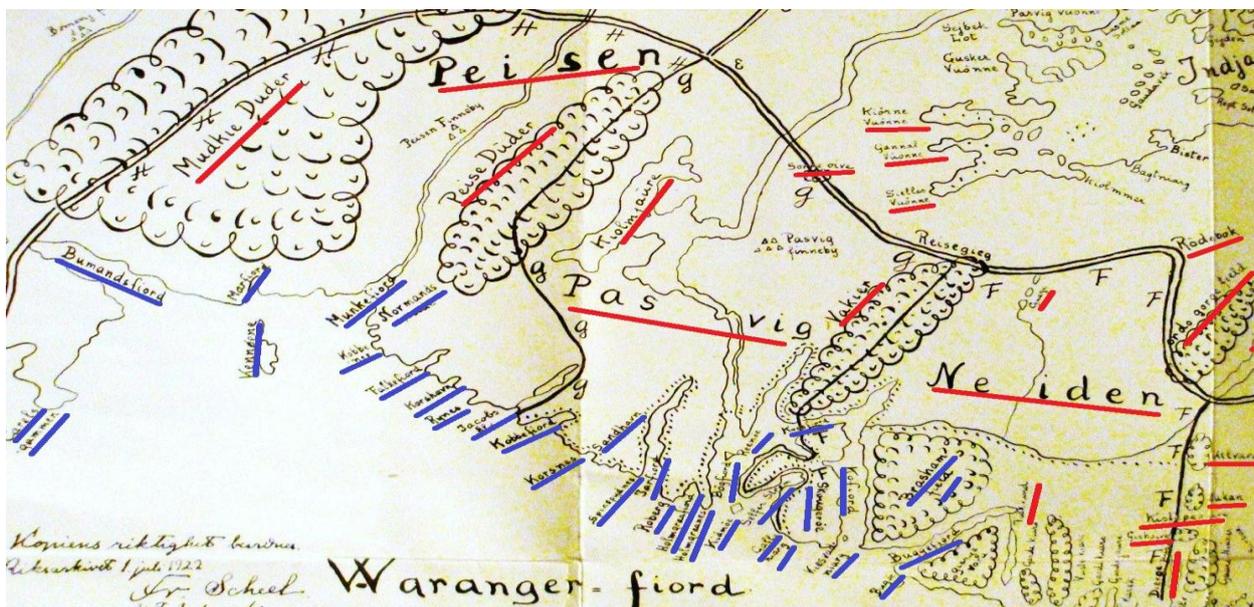
Совместным владением норвежский майор предложил считать лишь округ Пейсен и разграничить ее от Мар фьорда (Амбарной губы) в вверх по правому берегу р. Печенги до ее истока. Пространство к западу от Мар фьорда до истока Печенги оставить за Норвегией, а к востоку – за

¹ Фогт – налоговой и судебный чиновник Норвегии в подчинении, которого находились населенные пункты, объединенные по территориальному признаку в налоговые округа, низшие административные единицы Норвегии с 1670 г. до нач. XIX в.

Россией. В случае одобрения проекта Россией необходимо было отказаться от исторических претензий на Кольский полуостров, представив это своеобразной наградой за территориальную уступку. В случае же российского отказа от этого проекта предложить провести границу по срединной линии р. Печенги от Мунк фьорда (Печенгской губы) до ее истоков. После разграничения сохранить за норвежским подданным право лова рыбы и рубки леса по правой стороне р. Печенги, отказаться от исторических притязаний на Кольский полуостров и ежегодно возмещать России сумму налога ранее получаемую ею с округов Нейден и Пасвиг.

В случае если же Россия вообще не пойдет на разграничение территорий, то добиваться от нее признания за норвежскими подданными прав лова рыбы, рубки леса и колонизации всех трех «общих округов», сохраняя притязания на Кольский полуостров. Таким образом, по плану П. Шнитлера все территории, которые были необходимы для дальнейшего развития Северного Варангера предполагалось оставить за Норвегией [30].

Петер Шнитлер был первым в Норвегии, кто попытался интегрировать интересы локального населения в государственные масштабы и сформулировать комплексную стратегию поведения Норвегии в разрешении территориального спора с Россией. Поэтому карта округов, которую составил майор, была не просто пространственной визуализацией местности, но политической декларацией территориальных претензий Норвегии.

Приложение № 3. Фрагмент карты округов приписанных к крепости Вардехюс.

Красное подчеркивание – топонимы саамского происхождения.

Синее подчеркивание – топонимы норвежского происхождения.

Визуализация карты Шнитлера позволяет определить, насколько сильно данная территория была интегрирована во внутреннее пространство Норвегии. Довольно плотная локализация на карте географических объектов была обусловлена стремлением автора усилить ощущение интеграции района и визуально локализовать все возможные объекты, на которые распространялись территориальные притязания Норвегии. Это объясняет, почему высокая плотность объектов на карте (фьордов) превалирует над их точной географической локализацией. Например, недостоверные пропорции островов, рек, озер. Искусственное смещение озера Хиолм яуре (совр. - Солмиярви) на северо-восток и расположение его под истоком Якобс ельв. В действительности озеро располагается намного юго-восточнее истока Якобс Ельв. Такой же прием уплотнения географических объектов, их ассиметричная локализация с искажением объемов и мест расположения встречается и на русских картах 1745, 1792, 1794 гг.

Следующий знак, которым Шнитлер подчеркивал экономическую интеграцию части Южного Варангера, это точечный пункт вдоль р. Нейден и далее от ее устья, вдоль побережья и прибрежных островов в юго-восточном направлении от Кой фьорда (Нявдемской губы) до Якобс ельв. Этим автор карты выделял наиболее экономически значимые для норвежского населения районы Южного Варангера.

Приложение № 4. Фрагмент карты округов приписанных к крепости Вардехюс.

Внутренние географические объекты в большинстве своем сохранили саамские топонимы, их Шнитлер выделил для локализации границ сийт двоеданных саами. Кроме этого на карте визуализирована граница сийт «общих округов» и дано указание статуса проживавших там саами (для этого Шнитлер использовал букву F вдоль границ сийт). Так автор визуально декларировал частичное распространение функций внутреннего суверенитета Норвегии над коренными жителями «общих округов» и указал пределы норвежских территориальных притязаний во внутренних их землях.

Приложение № 5. Фрагмент карты округов приписанных к крепости Вардехюс. Черная стрелка - указатель на зимнюю дорогу отображенную на карте.

На карте нанесена зимняя дорога из Вардехюс в Колу, которой пользовались норвежские чиновники для поездки с требованием дани. Известно, что в реальности никакой дороги на территории «общих округов» не существовало, был только условный маршрут, изменяемый ежегодно в зависимости от погодных условий. Почему же тогда майор придал такое больше значение этому пути и обозначил его на карте?

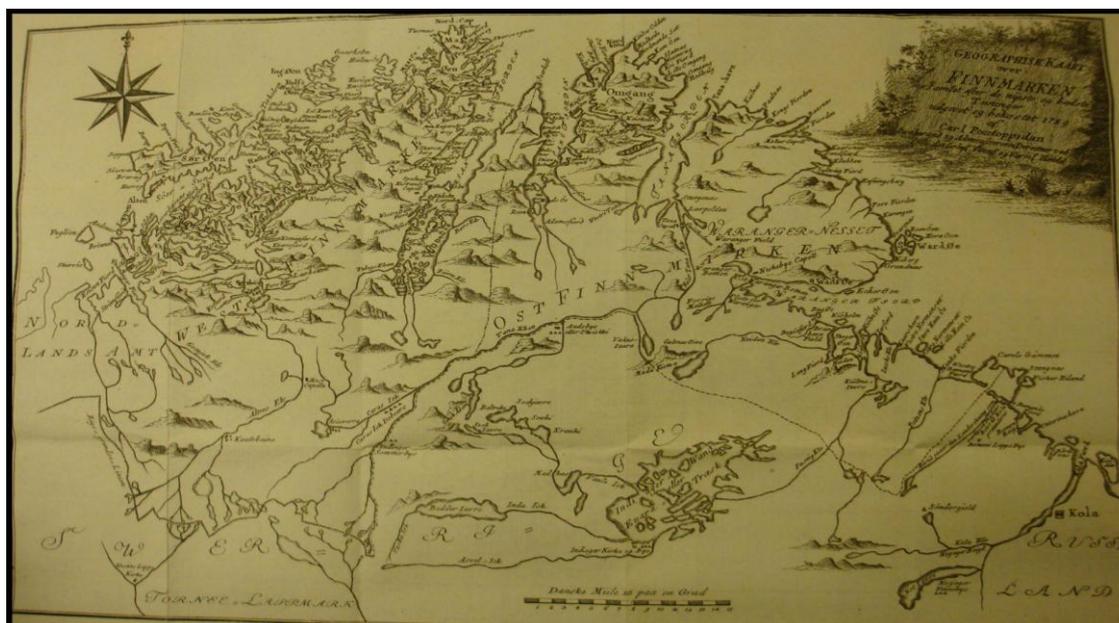
Локализация виртуальной дороги позволяла подчеркнуть историческую преемственность старых претензий Норвегии на территориальное пространство восточнее «общих округов». Линия несуществующей дороги усиливала ощущение интеграции внутренних районов «округов» с Норвегией, а также была прямой политической декларацией норвежских претензий на внутренние земли скольтов.

Границы «общих округов» Шнитлер разместил вдоль западного побережья реки Мотки, идущей от истока реки к перешейку полуострова Рыбачий, и далее по срединной линии острова. Этой чертой автор обозначил район «общих владений», но не политической границы Норвегии. В дальнейшем она была заимствована последующими картографами как визуальная политическая декларация территориальных пределов Норвегии. Несмотря на погрешности карты, смещение географических объектов, особенно внутренней территории округов (рек, озер, гор), их схематичность, она довольно подробно описывает все побережье южного Варангера, а также острова прибрежной зоны – Буг ойен (Верес Наволок), Кёй ойен (Кий остров), Хельм ойен, Скугер ойен (Шалим), Рейн ойен (Солдатский остров).

Насколько сильным было влияние карты и исследований Шнитлера на воспроизводство образа пространственных границ Норвегии во второй половине XVIII в.?

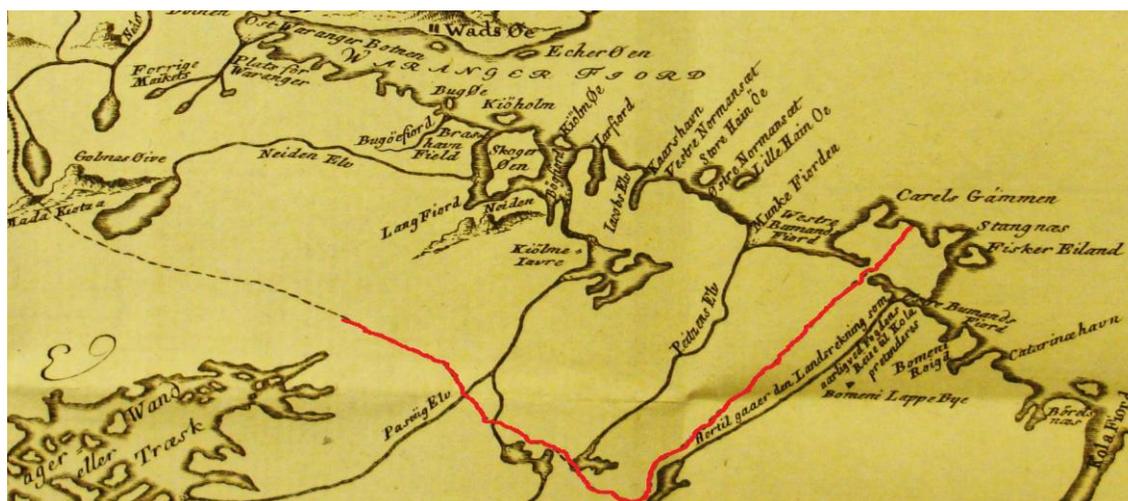
Административные барьеры русских властей, рост промысловой активности поморов и нужды норвежских подданных подтолкнули финмаркские власти с середины XVIII в. к разграничению «общих округов». В 1770–1780-ых гг. губернаторы Фьельштедт и Соммерфьельдт решают обратиться в королевский двор с предложением делимитации округов. В отчетах, которые были отправлены в Министерство иностранных дел королевства оба губернатора использовали карту и статистическое описание Шнитлера, как основной аргумент легитимации норвежских притязаний на «общие округа» [31]. Линия границы, предложенная королевским двором Норвегии в 1789, 1793, 1797, 1809 гг., полностью соответствовала концепции Шнитлера [32].

В дальнейшем карта Питера Шнитлера была взята за основу датским топографом Христианом Понттопиданом в 1795 г. при составлении «Географического описания карты Северной Норвегии».

Приложение № 6. Географическая карта Финмарка 1789 г.

Карта Понттопидана была более выраженной политической декларацией Норвегии на расширение внутреннего суверенитета. Взяв за основу карту Шнитлера, Понттопидан решает разместить несуществующую российско-норвежскую границу по восточной границе Пейсен сийты. От истока р. Мотки вдоль ее западного побережья к перешейку полуострова Рыбачий и по середине острова до его северного побережья.

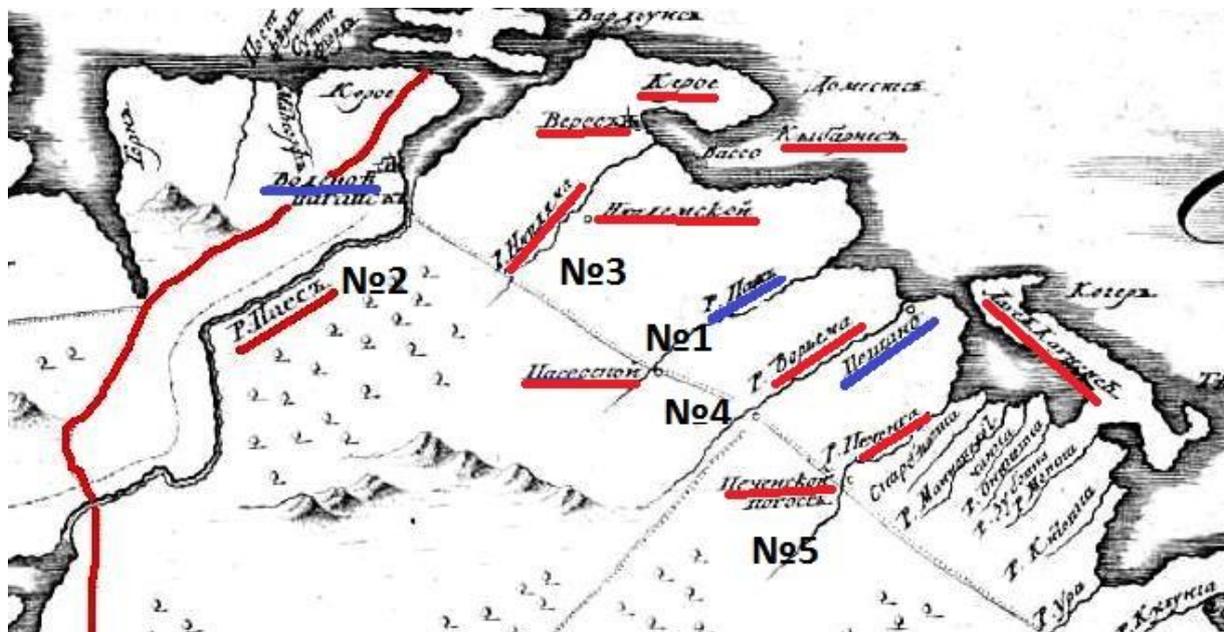

Приложение № 7. Фрагмент географической карты Финмарка 1789 г.
Красный цвет – выделение линии государственной границы Дании-Норвегии отображенной в оригинале карты черным пунктиром.

По карте датского картографа все три округа оказались вписаны в территориальное пространство Норвегии. Еще одним важным символом декларации было размещение на карте вдоль воображаемой границы с Россией упоминания, что Норвегия имеет претензии на территории, находящиеся за указанной линией. Этим Понттопидан воспроизводил норвежские претензии на

территории, лежащие западнее Кольского полуострова. Остальные значимые географические объекты округов, а также их расположение, в том числе некорректная локализация Салмиярви под истоком Якобс ельв, полностью соответствовали данным карты Шнитлера.

В России первые картографические работы по съемке Кольского уезда и приграничных округов были проведены в 1728–1729 гг. По указу Императрицы Екатерины I в августе 1728 г. в Архангелогородскую губернию были посланы геодезисты Российской академии наук для составления статистического описания и ландскарта означенной губернии [33]. В архиве Архангельской области не сохранилось полевых журналов и отчета о картографических работах, проведенных на рубеже 1720–1730-х гг. XVIII в. Однако составленная карта лесов вошла в Атлас Российской империи 1745 г.

Приложение № 8. Фрагмент Атласа Российской империи 1745 г.

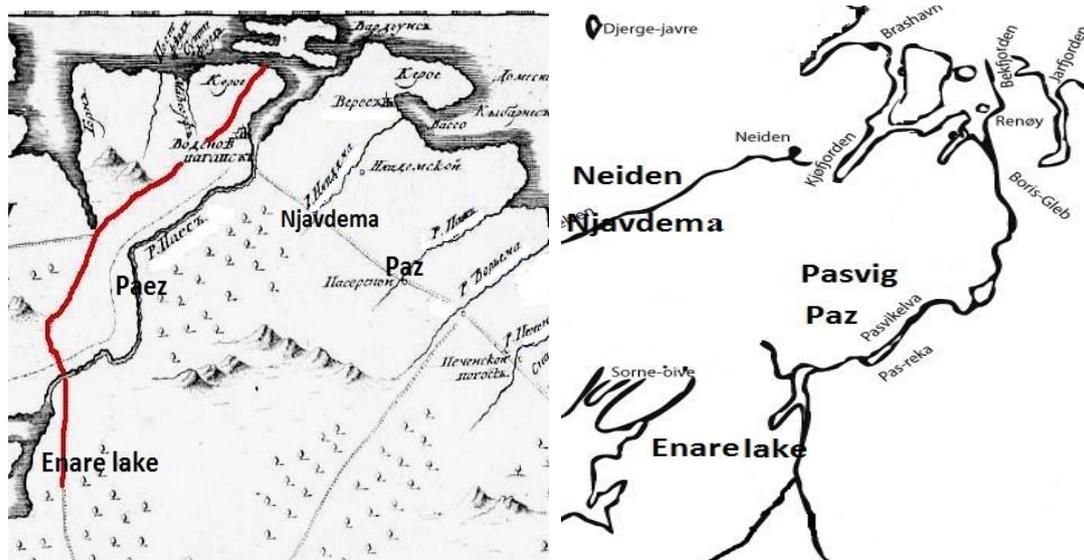
Красная линия – государственная граница Российской Империи, отображенная в оригинале карты черной линией. Красное подчеркивание – топонимы саамского происхождения. Синее подчеркивание – топонимы русского происхождения.

На карте атласа используется прием различной номинации географических объектов русскими, саамскими и норвежскими топонимами. На карте представлена и государственная граница между Россией и Норвегией, обозначенная вдоль р. Паесь (№ 2 на карте). Расположена она была западнее р. Нявдема (№ 3 на карте) и Верес губы. Прибрежная линия Северного Варангера смещена в юго-западном направлении так, что он не выглядит побережьем его северной части на этой карте. От устья р. Паесь граница шла по правому берегу реки до истока реки у озера Энаре, далее через исток вдоль старой шведской границы.

По карте Атласа 1745 г. реки Нявдема (Нейден), Паз (Пасвиг), Ворьема (Якобс) и Печенга (Пейсен) размещены юго-западнее пограничной реки Паесь. Однако сравнение с современными картами восточного Финнмарка доказывает, что авторами карты Кольского уезда были допущены погрешности при картографировании «общих кругов». Очевидно, что архангельские картографы приняли различное наименование одной реки (саамский Паесь и русский Паз) за различные географические объекты.

Здесь мы видим яркий пример влияния различной языковой номинации географических объектов на формирование пространственных образов населения. Карта Атласа 1745 г. отличается также грубым описанием береговой линии приграничного района. В ней отсутствуют названия фьордов, островов, лежащих у побережья Южного Варангера. Среди других знаков можно выделить только обозначение саамских погостов (деревень) и промыслового становища Песчаное.

В дальнейшем атлас использовался в губернской гимназии для изучения географии Архангельской губернии. Визуальная локализация дублирующего пограничного географического объекта р. Паесь сформировала представление, что граница между Российской империей и Норвегией существует намного западнее р. Нявдем, вдоль р. Паесь, что естественно не соответствовало действительному положению вещей. Обнаружить же р. Паесь, находящейся за р. Нявдем, последующим картографам никогда не удавалось.

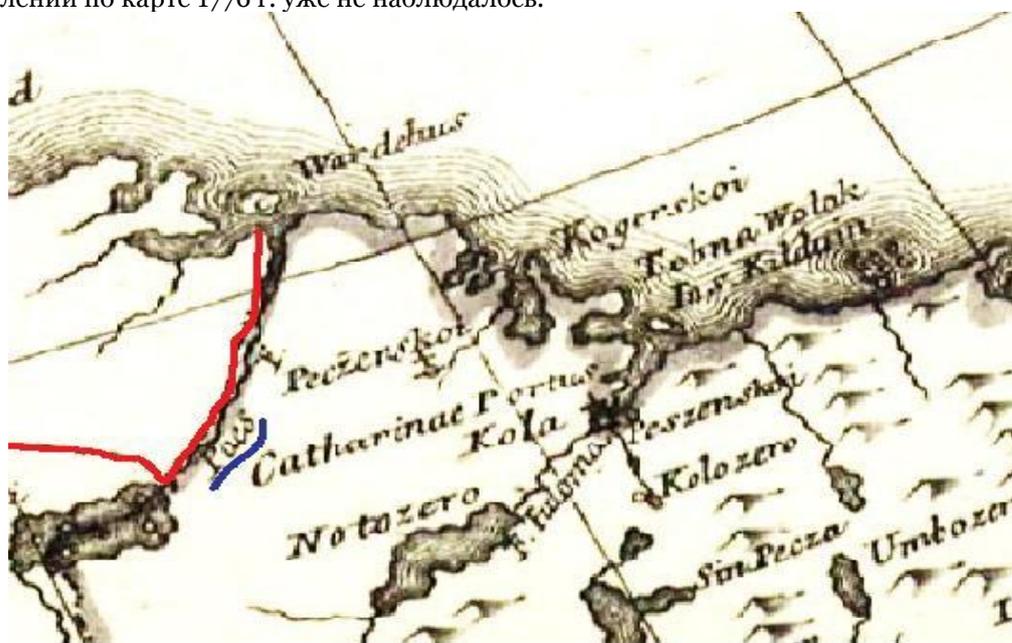

Приложение № 9. Фрагменты карт.

Слева – Атлас Российской империи 1745 г. Справа – Современной карты Южного Варангера

Сопоставив линию границы, обозначенную в Атласе 1745 г. с современными картами, мы можем утверждать, что согласно представлениям российских властей середины XVIII века граница Российской империи де-факто проходила по р. Паз (Пасви́г). Тем не менее, скудное географическое отображение побережья, островов, описание населенных пунктов и дорог позволяют сделать предположение, что в первой половине указанного столетия данная территория была довольно слабо освоена.

Следующие картографические работы для подготовки Генеральной карты Российской империи, изданной в 1776 г., были проведены в 1760 г. Согласно указам Правительствующего Сената Кольской канцелярии необходимо было собрать сведения о границе для сочинения географического атласа. В ходе работ, проведенных премьер-майором Матвеем Абатуровым, было подготовлено статистическое описание погостов с указанием расположения российско-норвежской границы [34]. Результаты проделанной работы были отправлены в Российскую академию наук в 1761 г. На карте 1776 г. граница вновь указывалась по реке Паесь, впадающей в о. Энаре, но смещения рек в восточном направлении по карте 1776 г. уже не наблюдалось.

Приложение № 10. Фрагмент Генеральной карты Российской империи 1776 г.

Красное подчеркивание – государственная граница Российской Империи, отображенная в оригинале карты черной линией. Синее подчеркивание – река Паесь.

Пограничная р. Паесь значилась между реками Нявдем и Печенга. Это подтверждает, что центральные власти считали российско-норвежской границей р. Паз, которая в XVIII в. была известна под топонимом Паесь. Это в дальнейшем стало основанием для предложений Норвегии-

Швеции в 1824 г. признать условную линию по р. Паз как отправную при определении границ Норвегии и России [35]. Однако береговая линия на карте 1776 г. была нанесена условно с искажением и отсутствием прибрежных островов.

Последние топографические работы в XVIII в. были проведены архангельскими чиновниками в 1784-1785 гг. Причинами, которые побудили новую съемку «общих округов» стали межевание Олонецкой и Архангельской губерний указом от 1781 г., указ Правительствующего Сената от 24 сентября 1782 г. об учреждении пограничной российской таможенной границы и ее стражи [36].

В ходе подготовки инструкций русскими губернаторами (А.П. Мельгунов, Т.И. Тутолмин) впервые была высказана идея о необходимости учреждения таможенного контроля на территории «общих округов». Почему же представители региональной власти решили, что граница существует?

В ходе сбора первых сведений о пограничном пространстве России-Норвегии обнаружилось, что новых карт района и достоверной информации о населении, объектах попросту нет. По рапорту Кольского коменданта Эрнера (1782 г.) оказалось, что точных сведений о границе с Норвегией у местной русской администрации не имеется. В Архангельской портовой таможне данных о проведении ранее пограничной таможенной цепи или пограничных заставах так же не оказалось. Единственным источником информации были карты 1745 и 1776 гг. [37, 38]. На обеих картах декларировалось наличие государственной границы по р. Паесь и региональная элита, полагаясь на официальные карты, посчитала их достаточно убедительным аргументом для того, чтобы определить линию таможенной стражи по р. Паесь.

Почему если о границе никто не знал, она вдруг появилась на карте 1745, 1776 и 1792 гг.? Кто был источником этой информации? Приоткрыть завесу тайны на этот вопрос помогают рапорты землемеров, картографов, выполнивших съемку «общих округов» в 1784–1785 гг.

В феврале 1784 г. Губернатор Т.И. Тутолмин дал распоряжение снарядить топографическую экспедицию для изучения российско-норвежской пограничной территории и нанести на карту линию государственной границы по р. Паесь с рекомендациями мест установки таможенных постов. В сентябре 1784 г. был командирован землемер Кузьма Киселев, который вместе с исправником Шестаковым отправились проводить съемку местности [39].

В декабре 1784 г. Киселев и Шестаков пытались приступить к исследованию округов, но неудачно. Вначале они не смогли выехать из Колы по причине «неузнаваемости зимнего пути и опоздания скольтов, пришедших в Колу лишь в середине декабря». Потом в ходе полевых работ они продвинулись только до зимнего погоста Печенгских саами. В январе 1785 г. они выслали рапорт краткой формулировкой о том, что «...за гористость местности и глубины снегов приступить к снятию границы невозможно» [40].

Архангельские власти, раздраженные тем, что землемер затягивает исполнение указа Сената дважды (декабрь 1784 г., январь 1785 г.) отсылали повторный приказ «о незамедлительной необходимости продолжить работы зимой и в весенняя время».

В феврале 1785 г. экспедиции удалось продвинуться до зимнего погоста Пазрецкого сиййта. В это же время там собрались саами Нявдемского сиййта. Решив не продолжать съемку местности зимой, Киселев и Шестаков доверились данным о российско-норвежской границе, полученным при опросе нявдемских скольтов. Скольты полагая, что указанные пределы помогут защитить их от миграций варангерских саамов, показали, что граница России и Норвегии расположена вдоль границы их сиййта. «Российско-датская граница лежит у океана моря с Верес Наволока до Колмись горы и далее до реки Паясь, вдоль ее западной стороны до океана моря» [41].

На поступивший рапорт Киселева в марте 1785 г. землемер получает ответ от Архангельского наместника И.Р. Ливена с предписанием срочно продолжить снятие границы и проложить границу согласно существующим трактатам по р. Паесь, а не основываться на показаниях лопарей. И если же землемер будет медлить, то «велит нерадивых членов комиссии ....уволить с должности и отдать под суд». Испугавшись карательных санкций, уже 30 марта 1785 г. Киселев отрапортовал, что съемка границы завершена, и она выправлена согласно российско-датскому трактату по р. Паесь [42].

Узнать по какому трактату региональные власти определили границу по р. Паесь нам не удастся. Сведений о наличии договора между Россией и Данией в XVIII в. нет. Возможно, губернаторы полагали, что указанная на картах 1745 и 1776 гг. пограничная линия была нанесена на основе трактата о границе, заключенного между Россией и Норвегией–Данией, поэтому и указали на них в рапорте землемеру.

Материалы съемки российско-норвежской границы в 1784-1785 гг. были впоследствии использованы при составлении Генеральной карты Архангельского наместничества 1792 г. и Атласа Российской империи 1794 г.

По картам 1792 г. и 1794 г. граница России и Норвегии располагалась от устья р. Паесь до о. Энаре. Как и на карте 1745 г. граница была расположена северо-западнее Верес Наволока, а реки Нявдема и Паз снова были смещены в восточном направлении.

Приложение № 11. Фрагмент Генеральной карты Архангельского наместничества 1792 г.

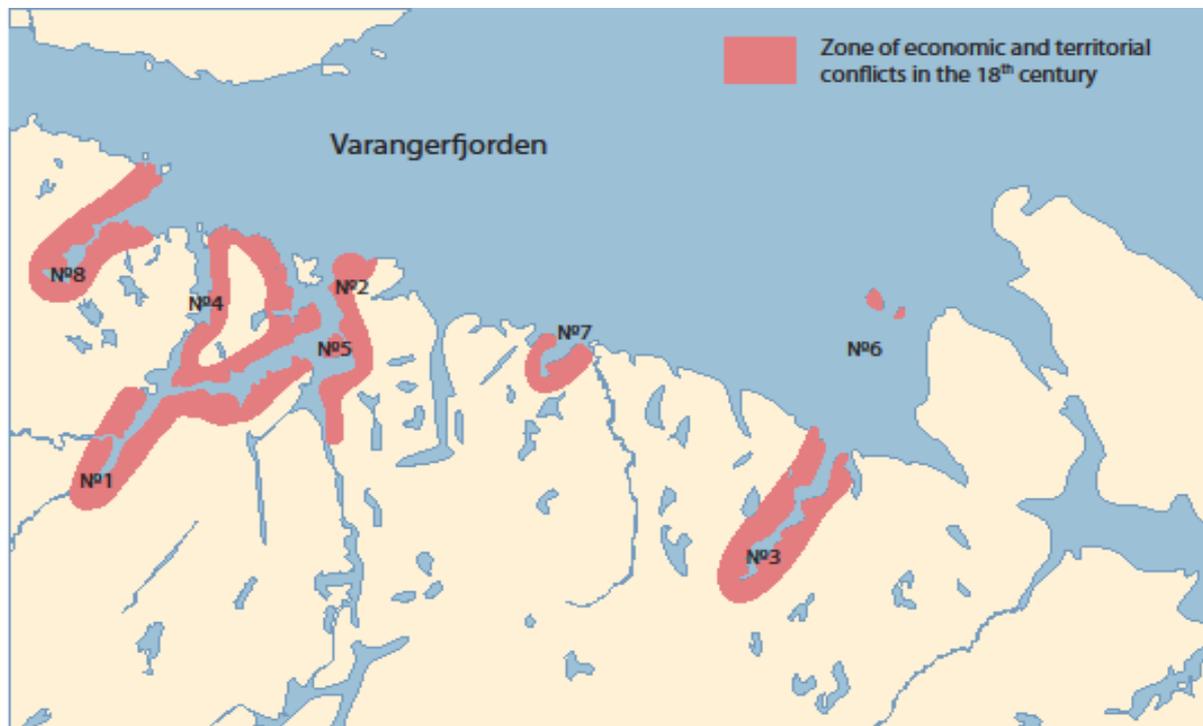

Приложение № 12. Фрагмент Атласа Российской Империи 1794 г.

Русские картографы, найдя реку Паз, до которой они добрались в феврале, решили что р. Паесь, указанная саами, это другой объект. Саами было принято указывать границы сийт без указания точных географических координат. В порядке очереди они называли объекты, которые обозначали условные северную и западную, южную и восточную границы сийта. Задачей экспедиции было описание северо-западной границы Российской империи. Так как саами не указали им точное направление пограничных объектов, то картографы разместили западную, южную и восточную границы сийта в одну сплошную линию границы, полагая, что Верес Наволок и р. Паесь находятся в одном направлении. Идентичная ситуация возможна была с исследованием 1745 г.

Хотя карта Киселева имела явное смещение географических объектов, на ней более подробно описывается побережье Южного Варангера от Рыбачьего полуострова до Верес губы с нанесением на карту о. Кий, о. Шалим и Айновых о-вов.

Рост промысловой активности норвежских подданных на территории скольтов с 40-х гг. XVIII в. стали порождать конфликты, куда втягивалась русская колониальная администрация. В это же время были предприняты попытки русских властей усилить административно-хозяйственный контроль над территорией скольтов. Так были введены торгово-промысловая монополия и установлены сезонные таможенные заставы [43]. Кольские власти, заинтересованные в сохранении за скольтами промысловых угодий, пытались помочь вытеснить норвежцев с территории «общих округов», поэтому в 1747-1749 гг. и 1768 гг. между Россией и Норвегией начались прения по поводу хозяйственных прав обеих стран на отдельные части «общих округов».

Приложение № 13. Карта районов территориально-хозяйственных споров XVIII в.

- 1 - Нявдемская губа (Кой фиорд норв.), 2 - Пазрецкая губа (Бок фиорд норв.),
- 3 - Печенгская губа (Мунк фиорд норв.), 4 - о. Шалим (Скугер ойен норв.),
- 5 - о. Солдатский, (Рен ойен норв.), 6 - о-ва Айновы (Хенне ойене норв.),
- 7 - Вилемский наволок (Вурсел фиорд норв.), 8 - Верес Губа (Бук фиорд норв.)

Эти конфликты были связаны с инцидентами, когда русские солдаты гарнизона Колы пробовали выгнать норвежских подданных с Верес наволока, Вилемского наволока, Нявдемской и Печенгской губ, островов Шалим, Солдатский и Айновых. В конфликтных ситуациях местные чиновники и представители торговых монополий объявляли эти районы территорией Российской империи [44, 45].

В последующей дипломатической переписке королевского двора Норвегии-Дании с императорским двором России оказывалось, что юридических документов, подтверждающих исключительное владение Норвегии или России над этими землями нет. Аргументы обеих держав строились на внутривосточных документах и праве обычая, чего было недостаточно для требования преференций при разделе спорных владений. В этой связи обе державы использовали свои политические карты, как единственный точный источник информации и инструмент легитимации экономических прав ее подданных на территории округов. С норвежской стороны главными аргументами был протокол Шнитлера и его карта. Русскими властями использовался Атлас 1745 г. Географические спорные объекты, расположенные на берегу Южного Варангера, на русском атласе обозначены не были. Канцелярия Архангельской губернии нашла в налоговых регистрах письменные упоминания скольтов об этих географических объектах, но без карт доказать право России на них не могла. Коллегия иностранных дел Российской империи, посчитав карты более легитимным инструментом, чем внутренние налоговые регистры, удовлетворила норвежские хозяйственные притязания, и норвежские подданные продолжили освоение указанных районов. Инициативные члены Кольской команды были наказаны шпицрутенами и сосланы на флот [46]. Эти примеры подчеркивают существенную значимость точной визуализации физико-политического пространства карт для аргументации территориальных претензий.

Следующий конфликт возник в 1791 г. Скольты в очередной раз решили вытеснить норвежских подданных с территории островов Шалим, Солдатский, Айновых и Вилемского наволока. Кольские

власти снова поддержали скольтов и объявили эти территории русскими, выслав исправника для выдворения норвежских подданных.

В ходе дипломатических переговоров региональные власти использовали более точную карту 1792 г. и смогли доказать право России лишь на Айновы о-ва, лежащие близ п-ова Рыбачий. Доказать же исключительную принадлежность России Солдатского острова и Вилемского наволока им не удалось. Генерал-Губернатор Т.И. Тутолмин и Коллегия иностранных дел Российской империи, не найдя эти три объекта на карте, решила отклонить претензии скольтов и допустить норвежских подданных на эти географические объекты. Кольский исправник Шестаков, тот же человек, который помогал составлять карту 1792 г. был оштрафован за попытку выгнать норвежских подданных с общих владений [47].

Заключение

Картографирование и исследование общих округов России и Норвегии с первой половины XVIII в. положили начало конструированию комплексного образа приграничной территории, которые через визуализацию были интегрированы в государственное пространство. Во второй половине XVIII в. карты играли ключевую функцию в воспроизводстве пространственного образа границы у политических элит России и Норвегии.

Семиотическая техника карт XVIII в. и характер их использования подчеркивают, что карты воспринимались как концептуальная визуализация политических притязаний обоих государств и их политическая декларация. Из визуальной, физической модели пространства внутреннего суверенитета они превратились в инструмент легитимации политических требований. Преимущество в отображении географических объектов, линий воображаемой государственной границы, использование этих символов карт в дипломатической и политической артикуляции интересов, доказывают, что к концу XVIII в. в России и Норвегии сложились устойчивые концепции территориальной политики.

В Норвегии – это региональная концепция делимитации границы по линии р. Пейсен и, как минимум, расширение суверенитета на территории хозяйственной активности норвежских подданных. В России же – локальная концепция устойчивой границы вдоль западной границы Нейден и интеграция социо-культурного пространства коренного населения «общих округов» во внутреннее пространство России.

На характер территориальных концепций сказывалась асимметрия межгосударственного и регионального развития. Норвегия как малое государство было более заинтересовано в наличие фиксированной межгосударственной границы. Нехватка пахотных земель и ресурсов обусловили более прагматичный подход Норвегии к изучению своего территориального пространства и оценке его ресурсоемкости. Экономически уже в начале XVIII в. Южный Варангер был интегрирован в социально-экономическое пространство Восточного Финмарка, что объясняет детализированное отображение географических объектов «общих округов» на норвежских картах. Однако общий статус территории, хозяйственное противостояние российских подданных и административные барьеры русской администрации были препятствием для экономического роста Северного Варангера. Поэтому уже в середине XVIII в. у региональных элит Северной Норвегии сформировалась в полнее определенная концепция территориальной политики, отображенная на современных периоду картах и атласах.

Российские центральные и региональные власти были более гибко настроены в отношении наличия фронтальных зон. Территориальная политика Российской империи XVIII в. была направлена на формирование крупных автономных региональных образований, которые в обмен на делегирование им властных полномочий отвечали лояльностью центральной власти. Это позволяло сократить издержки государства на поддержание территориальной целостности, аккумулировать ресурсы и стимулировать стремление регионов и потенциальных колоний быть частью Империи, которая давала им привилегии, закон и порядок.

В экономическом и военном значении округа не являлись стратегическим регионом. Низкий уровень освоенности территории русскими объясняет превалирование на картах саамских топонимов и бедность визуализации географических объектов. Отсутствуют документы, которые доказывают, что региональные и центральные власти целенаправленно исследовали пограничный регион для формулирования концепции разграничения. Санкт-Петербург и Архангельск достаточно далеко находились от «общих округов», поэтому концепция устойчивой границы и ее образ был сформулирован местными кольскими властями и скольтами, которые стали ее проводниками.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов»).

Примечания:

1. Jacob C. The Sovereign Map. Theoretical approaches in cartography throughout history. London, 1996. Pp. 12-14, 21.
2. Black J. Maps and Politics. London, 1997 Pp.18-19.
3. Paasi A. Territories, Boundaries and Consciousness. The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. Helsinki, 1996. P. 8.
4. Monmonier M. How to lie with maps. London, 1996. Pp. 88-90.
5. Wikan S. Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene. Svanvik, 1995. P. 19
6. Johnsen O.A. Finmarkens politiske historie aktmæssig fremstillet // Skrifter. Videnskapselskapet i Kristiania 1922. II Historisk-Filosofisk Klasse. Kristiania, 1923. Pp. 139, 194-195.
7. Häkli J. Borders in the political geography of knowledge // The Dividing line: borders and national peripheries / Ed.: L-F. Landgren, M. Häyrynen. – Helsinki, 1997. Pp. 12-13.
8. Nielsen J.P. Some Reflections on the Norwegian-Russian Border and the Evolution of State Border in General // Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders/Ed: T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005. Pp. 8-9.
9. Niemi E. Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid // Grenser og grannelag i Nordens historie / Red.: Imsen S. Oslo, 2005. P. 391.
10. Ibid. P. 389.
11. Пересадило Р.В. Русско-норвежские отношения в материалах государственного архива Архангельской области // Русский Север в документах архива / Ред., кол.: В.А. Волынская, Е.И. Овсянкин, Т.А. Санакина. Архангельск, 1998. С. 87;
12. Давыдов Р.А. Промыслы российских лопарей в контексте российско-норвежских отношений (XIX - начала XX веков) // Баренц журнал. 2007. № 1(5). С. 42-53.
13. Попов Г.П., Давыдов Р.А. Мурман. Очерки истории края XIX - начала XX в. Екатеринбург: УрО РАН, 1999.
14. Рогинский В.В. Конвенция 1826 г. о разграничении между Норвегией и Россией: как дипломатическая проблема // Вестник Баренц-Центра МПГУ. Мурманск, 2008. № 7. С. 25-30.
15. Кристоман Б.Б. История научно-промыслового освоения европейского Севера в контексте политических интересов Российской империи в XIX – начале XX вв: дис. на соиск. учен. степ. к. ист. н. Архангельск, 2003.
16. Похлебкин В. Россия первой признала норвежскую независимость // Международная жизнь. 1997. № 5. С. 48-61.
17. Nielsen J.P. Decree. Op.
18. Lähteenmäki M. The peoples of Lapland. Boundary demarcation and interaction in the North Calotte from 1808 to 1889. Helsinki, 2006.
19. Andresen A. Siidaen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russisk grensetrekningen i 1826. - Sør-Varanger Museum, 1989.
20. Andresen A. States Demarcated-People Divided: the Skolts and the 1826 Border Treaty // Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders / Ed: T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005. Pp.80-104.
21. Ishizuka M. Norwegian-Russian Borderland in Transition: Spatial Perception among Norwegian Elites in 1826-1852 // Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders/Ed: T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005. Pp. 95-104.
22. Wikan S. Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene. Svanvik, 1995.
23. Nielsen J.P. The Russia of the Tsar and North Norway. "The Russian danger" Revisited // Acta Borelia. 2002. №1. Pp. 75-92.
24. Nielsen J.P. Some Reflections on the Norwegian-Russian Border and the Evolution of State Border in General// Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders/Ed: T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow. Pp. 7-16.
25. Niemi E. Decree. Op. Pp. 387-415.
26. Hansen L.I., Schmidt T. Major Peter Schnitlers Grenseeksaminasjonsprotokoller 1742-1745. Oslo, 1985. S. 7-8.
27. Ibid.
28. Ibid. P. 102.
29. Ibid. P. 74-76.
30. Ibid. P. 104-106.
31. Johnsen, O.A. Decree. Op. Pp. 234-235, 324-328.
32. АВПРИ. Ф. 53/3. Оп. 1. Д. 661. Лл. 15-17.
33. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 479. Лл. 1.
34. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 6577. Лл. 21.
35. АВПРИ. Ф. 1. Адм. Дела II-6. Ч. III. Лл.10-20.
36. ГААО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 114. Лл.1-2.
37. ГААО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 294. Лл.1-20.
38. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 1. Д. 296. Лл.1-11.

39. ГААО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 63. Лл.13-16.
40. ГААО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 3. Лл.1-2, 20, 43-46, 49, 60-93.
41. Там же.
42. Там же.
43. АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 701. Лл. 7-56, 109-119.
44. Там же.
45. ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т.5. Д.9571. Лл. 1-8.
46. Там же.
47. ГААО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 512. Лл. 1-7, 21-24.

References:

1. Jacob C. The Sovereign Map. Theoretical approaches in cartography throughout history. London, 1996. Pp. 12-14, 21.
2. Black J. Maps and Politics. London, 1997 Pp.18-19.
3. Paasi A. Territories, Boundaries and Consciousness. The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. Helsinki, 1996. P. 8.
4. Monmonier M. How to lie with maps. London, 1996. Pp.88-90.
5. Wikan S. Grensebygda Neiden. Møte mellom folkegrupper og kampen om ressursene. Svanvik, 1995. P. 19
6. Johnsen O.A. Finmark political history // Writings published by the Norwegian scientist academy in Oslo. II Hist. file. class. Christiania, 1922. Pp. 139, 194-195. (In Norwegian).
7. Häkli J. Borders in the political geography of knowledge // The Dividing line: borders and national peripheries / Ed.: L-F. Landgren, M. Häyrynen. – Helsinki, 1997. Pp. 12-13.
8. Nielsen J.P. Some Reflections on the Norwegian-Russian Border and the Evolution of State Border in General // Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders/Ed: T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005. Pp. 8-9.
9. Niemi E. Ethnicity, nationality and boundary conditions in the northernmost Scandinavia until the present time // Boundaries and grannelag in Nordic history / Red.: Imsen S. Oslo, 2005. P. 391. (In Norwegian)
10. Ibid. P. 389.
11. Peresadilo R.V. Russian-Norwegian relations in the materials State Archives of Arkhangelsk Region // Russian North in the archive documents / Ed., Col. : V.A. Volynskaya, E.I. Ovsyankin, T.A. Sanakina. Arkhangelsk, 1998. P. 87. (In Russian).
12. Davydov R. Crafts Russian Lapps in the context of Russian-Norwegian relations (XIX - early XX centuries) // Barents journal. 2007. № 1 (5). P. 42-53. (In Russian).
13. Popov G.P, Davidov R.A. Moorman. Sketches of history of the region XIX - early XX century. Ekaterinburg: UrB RAS, 1999. (In Russian).
14. Roginskii V.V. 1826 Convention on the delimitation between Norway and Russia as a diplomatic problem // Bulletin Barents Center Moscow State Pedagogical University. Murmansk, 2008. № 7. P. 25-30. (In Russian).
15. Kristoman B.B. The history of scientific and commercial development of the European North in the context of the political interests of the Russian Empire in the XIX - early XX centuries: PhD thesis. Arkhangelsk, 2003. (In Russian).
16. Pohlebkina V. Russian first recognized Norwegian independence // International Affairs. 1997. № 5. C. 48-61. (In Russian).
17. Nielsen J.P. Decree. Op.
18. Lähtenmäki M. The peoples of Lapland. Boundary demarcation and interaction in the North Calotte from 1808 to 1889. Helsinki, 2006.
19. Andresen A. Siidaen disappeared. East Sami in Pasvik by the Norwegian-Russian border road in 1826. Sør-Varanger Museum, 1989 (In Norwegian)
20. Andresen A. States Demarcated-People Divided: the Skolts and the 1826 Border Treaty // Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders / Ed: T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005. Pp.80-104.
21. Ishizuka M. Norwegian-Russian Borderland in Transition: Spatial Perception among Norwegian Elites in 1826-1852 // Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders/Ed: T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005. Pp. 95-104.
22. Wikan S. Border village Neiden. Meeting between peoples and struggle for resources. Svanvik, 1995 (In Norwegian).
23. Nielsen J.P. The Russia of the Tsar and North Norway. "The Russian danger" Revisited // Acta Borealia. 2002. № 1. Pp. 75-92.
24. Nielsen J.P. Some Reflections on the Norwegian-Russian Border and the Evolution of State Border in General // Russia-Norway. Physical and Symbolic Borders/Ed: T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow. Pp. 7-16.
25. Niemi E. Decree. Op. Pp. 387-415.
26. Hansen L.I., Schmidt T. Major Peter Schnitler Limit Examination Protocols from 1742 to 1745. Oslo, 1985. P. 7-8. (In Norwegian).

27. Ibid.
28. Ibid. P. 102.
29. Ibid. P. 74-76.
30. Ibid. P. 104-106.
31. Johnsen, O.A. Decree. Op. Pp. 234-235, 324-328.
32. AVPRI. F. 53/3. Op. 1. D. 661. D. Pp. 15-17.
33. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 1. D. 479. P. 1.
34. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 4. D. 6577. P. 21.
- 35 AVPRI. F. 1. Adm. Case II-6. Part III. Pp. 10-20.
36. GAAO. F. 1367. Op. 2. D. 114. Pp. 1-2.
37. GAAO. F. 1367. Op. 2. D. 294. Pp. 1-20.
38. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 8. D. 296. Pp. 1-11.
39. GAAO. F. 1367. Op. 2. D. 63. Pp. 13-16.
40. GAAO. F. 4. Op. 4. D. 3. Pp. 1-2, 20, 43-46, 49, 60-93.
41. Ibid.
42. Ibid.
43. AVPRI. F. 2. Op. 2/1. D. 701. Pp. 7-56, 109-119.
44. Ibid.
45. GAAO. F. 1. Op. 1. T. 5. D. 9571. Pp. 1-8.
46. Ibid.
47. GAAO. F. 4. Op. 7. D. 512. Pp. 1-7, 21-24.

УДК 94(470+481)(045)

**Роль карт и населения Крайнего Севера России и Норвегии XVIII в.
в конструировании границ внутреннего суверенитета**

¹ Владислав Иванович Голдин

² Константин Сергеевич Зайков

³ Александр Михайлович Тамицкий

¹⁻³ Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д.2

¹ Доктор исторических наук, профессор

E-mail: v.i.goldin@yandex.ru

² Кандидат исторических наук

E-mail: k.zaikov@narfu.ru

³ Кандидат политических наук, доцент

E-mail: a.tamitskiy@gmail.com

Аннотация. Данная статья основывается на материалах российских и норвежских архивных документов, карт и исследований, в том числе вводимых впервые в научных оборот. Целью данной статьи являются анализ роли карт России и Норвегии XVIII в. в конструировании границ внутреннего суверенитета на примере «общих округов», и определение места локальных акторов в пространственной территориализации северных регионов обоих государств. Авторы указывают, что карты воспринимались как концептуальная визуализация государственных притязаний обоих государств, используемая в дипломатической и политической артикуляции интересов. При этом для Норвегии – это региональная концепция делимитации границы по линии р. Пейсен и расширение суверенитета на территории хозяйственной активности норвежских подданных. В России же – локальная концепция устойчивой границы вдоль западной границы Нейден и интеграция социокультурного пространства коренного населения «общих округов» во внутреннее пространство России. При этом подчеркивается роль местных кольских властей и саами в сохранении устойчивости межгосударственной границы.

Ключевые слова: российско-норвежские отношения; карта; границы; «общие округа», саамы.